

Пышка

Новеллы и рассказы

Ги де Мопассан

ПЫШКА

**НОВЕЛЛЫ
И РАССКАЗЫ**

ФТМ

Москва, 2018

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(0)

M78

*Перевод с французского Н. Касаткина, Н. Дарузес,
Е. Гунст, Д. Лившиц, Н. Жаркова, А. Тетеревникова,
Н. Немчинова, А. Худадова*

Мопассан, Г.

M78 Пышка. Новеллы и рассказы / Г. Мопассан; [пер. с фр. Н. Касаткина, Н. Дарузес, Е. Гунст, Д. Лившиц, Н. Жаркова, А. Тетеревникова, Н. Немчинова, А. Худадова]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 508 с.

ISBN 978-5-4467-3201-2

Натуралистическая проза крупнейшего французского новеллиста XIX века Ги де Мопассана стала образцом безоценочного реализма как личного мировоззрения, которое писатель пытается донести до читателя. «Мы всегда изображаем самих себя», — говорит он. Особенность новелл Ги де Мопассана — это описание чистых фактов и событий в противовес психологическим исследованиям, скрытым в каждом произведении, ровно также как в реальной жизни мотивы прячутся за поступками. Чистота и строгость изображения окружающего мира, в котором одновременно присутствует и прекрасное, и отвратительное, превращают каждую из новелл писателя, таких как: «Пышка», «Иветта», «Ожерелье» или «Папаша Монжиле», в духовный поиск, поднимающий человека над животным.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(0)

ВІС FC

BISAC FIC000000

© T8RUGRAM, 2018

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018

© Перевод. Н. Касаткина, наследники, 2018

© Перевод. Н. Дарузес, наследники, 2018

© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2018

© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2018

© Перевод. Н. Жаркова, наследники, 2018

© Перевод. А. Тетеревникова,
наследники, 2018

© Перевод. Н. Немчинова,
наследники, 2018

ISBN 978-5-4467-3201-2

© Перевод. А. Худадова, наследники, 2018

Из сборника «Сестры Рондоли»

Хозяйка

Доктору Барадюк

— Я жил тогда, — начал Жорж Кервелен, — в мебелированных комнатах на улице Святых отцов.

Когда родители решили отправить меня в Париж изучать право, началось долгое обсуждение всяких подробностей. Цифра моего годового содержания была определена в две тысячи пятьсот франков, но бедную матушку охватило одно опасение, которое она и поведала отцу:

— Если он вдруг станет тратить все свои деньги на пустяки и будет плохо питаться, может пострадать его здоровье. Молодые люди на все ведь способны.

Тогда решили подыскать для меня семейный пансион, скромный и удобный пансион, с тем чтобы плату вносили за меня ежемесячно сами родители.

Я еще ни разу не выезжал из Кемпера. Я жаждал всего, чего жаждут в моем возрасте, и стремился пожить полностью в свое удовольствие.

Соседи, к которым обратились за советом, порекомендовали одну нашу землячку, госпожу Кергаран,

сдававшую комнаты со столом.

Отец списался с этой почтенной особой, и однажды вечером я прибыл к ней со своим чемоданом.

Госпоже Кергаран было лет сорок. Эта полная, чрезвычайно полная дама говорила зычным голосом капитана, обучающего рекрутов, и решала все вопросы кратко и бесповоротно. Ее узкое-преузкое помещение с одним-единственным окном на улицу в каждом этаже казалось какою-то лестницей из окон или, лучше сказать, ломтиком дома, стиснутого, наподобие сэндвича, между двумя соседними домами.

Во втором этаже помещалась сама хозяйка со своей служанкой; в третьем — готовили и ели; в четвертом и пятом — жили четыре пансионера-бретонца. Мне отвели обе комнаты шестого этажа.

Темная лесенка, закрученная штопором, вела в мою мансарду. И целый день без передышки госпожа Кергаран поднималась и спускалась по этой спирали, командую в своем жилище-ящичке, как капитан на борту корабля. По десяти раз подряд она заходила в каждую комнату, надзирала за всем, громогласно отдавала распоряжения, осматривала, хорошо ли постланы постели, хорошо ли вычищено платье, нет ли упущений в уходе за жильцами. Словом, она заботилась о своих пансионерах, как мать, больше, чем мать.

Я скоро свел знакомство с моими четырьмя земляками. Двое из них изучали медицину, а двое других — право. Но все они одинаково покорно терпели деспотическое иго хозяйки. Они боялись ее, как воришка боится сторожа.

Меня же сразу обуяло стремление к независимости, ибо я бунтарь по натуре. Прежде всего я заявил, что намерен возвращаться домой, когда мне заблагорассудится, — потому что госпожа Кергаран установила для нас предельным сроком двенадцать часов ночи. Услышав такую претензию, она усталилась на меня своими светлыми глазами и затем ответила:

— Это невозможно. Я не допущу, чтобы Аннету будили всю ночь. Да и вам нечего где-то пропадать после положенного часа.

Я ответил настойчиво:

— По закону, сударыня, вы обязаны отпирать мне в любой час. Если вы откажетесь отпереть, я удостоверю данный факт при содействии полиции и отправлюсь ночевать в гостиницу за ваш счет. Это — мое право. Вы, следовательно, принуждены будете или отворять мне, или отказать от квартиры. Либо отворяйте, либо мы с вами распрощаемся. Выбирайте.

Я в глаза смеялся над нею, выставляя это требование. Оправившись от изумления, она пожелала вступить в переговоры, но я проявил неуступчивость, и она сдалась. Мы решили, что у меня будет свой ключ, но при обязательном условии, чтобы об этом никто не знал.

Мое упорство оказало на хозяйку спасительное действие, и с той поры она выказывала мне явную благосклонность. Она стала особенно заботлива ко мне, предупредительна, любезна и даже проявляла некоторую грубоватую нежность, которая отнюдь не была для меня неприятна. Иногда, в веселую минуту, я неожи-

данно целовал ее, исключительно затем, чтобы она немедленно отвесила мне здоровенную пощечину. Если я успевал вовремя наклонить голову, рука ее пролетала надо мной с быстротой пули, и я хохотал, как сумасшедший, спасаясь бегством, меж тем как она кричала мне вслед:

— Ах, каналья, я вам это припомню!

Мы стали с нею настоящими друзьями.

Но вот я познакомился на улице с молоденькой продавщицей из магазина.

Вы знаете, что такое эти парижские любовные интрижки. В один прекрасный день по дороге в университет вы встречаете юную особу без шляпы, которая прогуливается под руку с подругой перед началом работы. Вы обмениваетесь с ней взглядом и вдруг ощущаете как бы легкий толчок, какой испытываешь иной раз от взгляда женщины. Одна из прелестей жизни — в этой внезапной физической симпатии, расцветающей при случайной встрече, в этом тонком, изящном соблазне, которому сразу поддаешься, соприкоснувшись с существом, созданным для того, чтобы нравиться нам и быть нами любимым. И будет ли оно горячо любимо или не очень — не все ли равно? В его природе есть что-то, отвечающее тайной жажде любви, заложенной в природе вашего существа. С первого же раза, заметив это лицо, этот рот, волосы, улыбку, вы чувствуете, как обаяние их проникает в вас сладкой и восхитительной радостью, вы чувствуете, что вас наполняет какое-то блаженство, что в вас внезапно пробуждается к этой незнакомой женщине некая, еще смутная неж-

ность. Так и чудится в ней какой-то призыв, на который вы откликаетесь, что-то притягивающее, что манит вас к себе; так и чудится, что вы уже давным-давно знакомы с ней, уже видели ее когда-то и знаете, о чем она думает.

На следующий день в тот же час вы проходите по той же улице. Опять встречаете ее. Возвращаетесь сюда на другой день и еще на следующий. Наконец завязывается разговор. И любовная интрига следует своим чередом, закономерным, как болезнь.

Итак, к концу третьей недели мы с Эммой находились в том периоде, который предшествует падению. Падение совершилось бы даже и раньше, если бы я только знал, где устроить свидание. Подруга моя жила у родителей и с непреклонным упорством отказывалась переступить порог мебелированных комнат. Я ломал себе голову, стараясь придумать средство, уловку, удобный случай. Наконец я встал на путь отчаянных мер и решил привести ее вечером, часов в одиннадцать, к себе на квартиру под предлогом выпить чашку чая. Госпожа Кергаран всегда ложилась в десять. Следовательно, с помощью моего ключа я мог войти бесшумно, не привлекая ничьего внимания. Спустя час-другой мы таким же образом могли бы выйти.

Эмма приняла мое предложение, хотя и заставила себя упрашивать.

День у меня прошел томительно. Я все беспокоился. Я боялся осложнений, катастрофы, какого-нибудь невероятного скандала. Наступил вечер. Я вышел из дома и, зайдя в ресторан, выпил залпом две чашки кофе и рю-

мок пять вина, чтобы придать себе храбрости. Потом пошел прогуляться по бульвару Сен-Мишель. Я услышал, как пробило десять часов, затем половина одиннадцатого. Тогда я направился медленным шагом к месту свидания. Она уже ждала меня. Она нежно взяла меня под руку, и вот мы двинулись потихоньку к моей квартире. По мере того как мы приближались к дверям, тревога моя все возрастала. Я думал: «Только бы госпожа Кергаран уже улеглась!»

Раза два-три я повторял Эмме:

— Главное, не шумите на лестнице.

Она рассмеялась:

— Вы, значит, очень боитесь, как бы вас не услышали?

— Нет, просто мне не хочется разбудить своего соседа, он тяжело болен.

Вот и улица Святых отцов. Я приближался к своему жилищу с тем страхом, какой испытываешь, отправляясь к дантисту. Во всех окнах темно. Должно быть, спят. Я перевожу дух. С воровскими предосторожностями открываю дверь. Впускаю свою спутницу, потом запираю за ней и на цыпочках, затаив дыхание, поднимаюсь по лестнице, зажигаю одну за другой восковые спички, чтобы девушка как-нибудь не споткнулась.

Проходя мимо спальни хозяйки, я чувствую, что сердце мое учащенно бьется. Наконец-то мы на третьем этаже, затем на четвертом, затем на пятом. Я вхожу к себе. Победа!

Однако я не осмеливался говорить громко и снял ботинки, чтобы не делать никакого шума. Чай, при-